

УДК: 398 (571.54)

Б. С. Дугаров

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Соляные аспекты образа Гэсэра: бурятский эпос и этнокультурная традиция

В данной статье Гэсэр – главный персонаж одноименного богатырского сказания рассматривается как солярный герой, считающийся, согласно тэнгристской мифологии, посланником светлых небесных божеств. Сакральные аспекты его образа исследуются в контексте эпического действия, раскрывающего глубинную связь эпоса с этнокультурной традицией бурят, имеющей выразительные параллели в центральноазатском духовном пространстве. В целом сказительская интерпретация и характеристика образа Гэсэра под солярным знаком является древним отражением культа солнца, раскрывающим значимость уранического фактора и отвечающим традиционным религиозно-мифологическим и этическим представлениям монгольских народов.

Ключевые слова: эпос, мифология, солярный культ, эпический герой, Гэсэриада, сказители, этнокультурная традиция.

С древних времен солнце является устойчивым объектом религиозного культа и почитания у народов Центральной Азии и сопредельных с ней территорий. Это нашло свое отражение и в мифопоэтических сказаниях тюрко-монгольских народов. Так, красноречивые проявления солярного культа обнаруживаются в бурятском героическом эпосе «Абай Гэсэр», в котором герой исполняет миссию искоренения зла, очищения земли от чудовищ и разного рода нечистей и бед. По сути дела, деяния Гэсэра являются функционально тождественными назначению солнца, которое согревает землю, оживляет природу и наполняет мир извечным смыслом жизни. Возможно, именно солярный лейтмотив и послужил первоосновой идеологии «Гэсэриады», выросшей из «бронзовых пеленок» героического эпоса ранних кочевников Монголии и Южной Сибири.

«Солнечность» образа Гэсэра подразумевается в эпосе изначально в силу того, что он является посланником светлых 55 небожителей, которые в противовес темным 44 небожителям утверждают добро и свет. Их верховенство обеспечивает Гэсэр еще в небесной своей ипостаси под именем Бухэ Бэлигтэ в прологе унгинской версии Гэсэриады (вариант сказителя Пеохона Петрова): он спасает дочь солнца – Наран-Гоохон от смертельной болезни. Этот солярный мотив в эпическом контексте несет глубокий философско-мировоззренческий смысл: во-первых, Наран-Гоохон (букв. 'Солнце-Красавица'), ее здоровье и благополучие являются залогом космического баланса с приоритетом солнечного светлого начала, во-вторых, она становится земной матерью Гэсэра при его рождении в мире людей.

Необходимо отметить, что ее отец Наран Дулаан тэнгэри ('Солнечный Теплый небожитель') является сыном Манзан Гурмэ – прародительницы светлых и добрых божеств [Абай Гэсэр, 1960, с. 16–17],

Дугаров Баир Сономович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Сахьяновой, д. 6, г. Улан-Удэ, 670047, Республика Бурятия, Российская Федерация. E-mail: khairkhan@mail.ru; тел.: 8-(3012)-46-91-19.

которая в свою очередь была зачата от лучей солнца и родилась в ясный вёдреный день – апогей солнечной энергии [Абай Гэсэр Богдо хаан, 1995, с. 22–23]. Данное знаковое обстоятельство изначально определяет ее позитивное солнечное начало в дуалистическом контексте небесного мироустройства и придает имплицитно образу праматери-богини черты солярного божества. В связи с этим следует обратить внимание на то, что солярное начало в Гэсэре не случайно проявляется по женской материнской линии. В этом есть свой глубокий смысл, если иметь в виду систему родства и семейных отношений у монгольских народов, сохранивших древний отголосок матриархата. Родственники со стороны матери именуется *нагаса*, и их род, согласно традиции, всегда глубоко почитался. *Наран для хурса болоорээш, / Нагаса для сэсэн болоорээш* ‘Будьте яркими, подобно солнцу, / Будьте умными, подобно дяде-нагасе’ – так, например, высказывали свое уважение к представителям материнского рода буряты эхиритского племени [Хаптаев, 1961, с. 102].

Уместно привести для сравнения халха-монгольскую и калмыцкую пословицы: в первой говорится – *Хүний уг нагац, модны уг үндэс* ‘Начало человека – дядя по матери, а начало дерева – корень’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2002, с. 188], во второй – *Усна эки булг, куунэ эки нацнар* ‘Начало воды – родник, начало человека – родственники по материнской линии’ [Калмыцко-русский словарь, 1977, с. 366]. В современном бурятском языке сохранилась и активно бытует в обиходе удивительная по своей древности словесная формула, подтверждающая устойчивость традиционных понятий и их генетическую связь с древними верованиями, освященными эпическим словом: *Нагаса – Наран тэнгэри* ‘Нагаса – Солнечный тэнгри-небожитель’. Словно это сказано самим Гэсэром!

Не случайно у небесного потомства Манзан Гурмэ – западных пятидесяти пяти тэнгриев клановым эпитетом является *сагаан* ‘белый’. Эта цветовая дефиниция указывает на связь с культом солнца, поскольку такова «семантика белого цвета» [Герасимова, 1948, с. 173], которому в бурятской этнокультурной традиции в силу связанных с ним положительных коннотаций придается особый сакральный смысл. В самом бурятском языке мы находим убедительные подтверждения: *сагаан* ‘белый’ имеет целый ряд переносных значений – ‘светлый’, ‘чистый’, ‘священный’, ‘добрый’, ‘благородный’. В религиозных же культах и практике происходит сакрализация цвета *сагаан*. Так, например, все животные белого цвета, согласно старинным представлениям бурят, считались символами солнца на земле [Галданова, 1987, с. 39].

Помимо того, в небесном пантеоне Гэсэриады представлены божества солярного круга, главный из которых входит в эннеаду сыновей Манзан Гурмэ, представляющих поколение старших богов бурятского Олимпа [Абай Гэсэр Богдо хаан, 1995, с. 25]. Солярной цветовой символикой отмечен один из знаковых персонажей эпоса «Гэсэр» – шаманка *Шарагшахан* ‘Светло-желтая’, чей образ свидетельствует о раннем шаманстве и древнем проявлении небесного культа в бурятском обществе. В эпосе она выступает посредником между миром людей и миром богов, взывая к последним о помощи. С этой целью она совершает обряд жертвоприношения *сасали бариха* на родовой горе Элисте ‘Песчаная’, что также ассоциируется с желтым, солнечным цветом.

Показательно, что предшественником Гэсэра в бурятской тэнгристской мифологии видится Хан Шаргай-нойон, исходя из схожести их небесных генеалогий и исконно солярного характера имени Шаргай – от корня *шар* ‘желтый’ [Logincz, 1977, с. 387–389]. Данное шаманское божество, будучи предводителем добрых западных хатов и едва ли не самым почитаемым духом шаманистского пантеона бурят, изображается держащим щит в виде круга с идущими от центра лучами на фоне орла, который является солярным знаком и дериватом неба, а также символом шаманского первопредка [Хангалов, 1958, с. 306].

Таким образом, в эпосе выявляется солярная родословная Гэсэра, восходящая к прародительнице богов Манзан Гурмэ и связанная имплицитно со знаковыми персонажами тэнгристской мифологии бурят. Посланник светлых божеств, он по своей сути сам отмечен солярным знаком, о чем свидетельствует его героическая миссия, раскрытая в эпической интерпретации.

Гэсэр в земном своем воплощении ведет упорную борьбу с силами зла и мрака, как подобает солярному герою. Один из важнейших его подвигов – уничтожение *Архан Хара шудхэра* ‘Черного дьявола Архан’, пытающегося проглотить солнце. Этот этиологический миф, объясняющий происхождение солнечного затмения, широко распространен среди народов Центральной Азии и восходит к древнеиндийскому демону по имени Раху (отсюда монгольское *Араху* и бурятское *Архан*). В бурятской Гэсэриаде данный миф органично связан с эпическим сюжетом: тератоморфный персонаж *Архан* есть ничто иное, как отрубленная голова поверженного в космической схватке предводителя темных небожителей Атай Улана. Преследуя солнце, она с разинутой пастью носится между небом и землей, пока не гибнет от руки Гэсэра.

Солярный мотив имплицитно присутствует в описании поединка Гэсэра с его самым страшным врагом – Шэрэм Минатой, живущим по ту сторону земли смерти. Гэсэр не может победить противника своим богатырским оружием, напротив, противник едва не одолевает его с помощью своего железного кнута. Обессиленный Гэсэр тайком поднимается в небо к прародительнице богов Манзан Гурмэ за советом и помощью, которая дает ему свой золотой шерстобитный прут – *хабаа*. С помощью него Гэсэр побеждает чудовищного противника, олицетворяющего смерть и мрак.

На наш взгляд, в поединке Гэсэра с Шэрэм Минатой в аллегорической форме отразился мотив противоборства Мрака и Света, Зимы и Лета, Холода и Тепла. Подобного рода сюжеты известны в евразийских фольклорно-мифологических системах. Что касается семантики и символики шерстобитного прута, он связан с важным в жизни скотоводческих народов календарным хозяйственным процессом – изготовлением войлока, происходившем обычно в июне, когда зелень набирает силу и устанавливаются долгие солнечные дни, которые необходимы для сушения овечьей шерсти и приготовления из нее войлока. Этот трудовой процесс символизирует апофеоз тепла и солнца, радости жизни и полноты ощущения бытия, возвращая людей к осознанию смысла жизни и ее предназначения.

Началом к этому процессу служила шерстобитная палочка, которой выбивали грязь из овечьей шерсти и сбивали ее в войлок. Этот шерстобитный «инструмент» делали обычно из веток ивы (*улаан бургаахан* ‘красный кустарник, тальник’), обладающих гибкостью и прочностью. Войлок же (*эсгий*) играл значительную роль в быту кочевников (из него, например, изготавливались стены для юрт, отчего монголов называли *эсгий туургатан* – народом, живущим в войлочных стенах) и в известной степени символизировал основы жизненного благополучия и продолжения рода. В рассматриваемом нами сюжете мы видим мифопоэтическую интерпретацию шерстобитной палочки, которая оказывается магическим оружием, имитирующим силу солнечных лучей в руках героя, приносящим ему победу над казалась бы непобедимым врагом. Таким образом, шерстобитная палочка, символизирующая солнечное жизнеутверждающее начало, оказывается сильнее железного кнута, олицетворяющего холод и мрак.

С этим солярным мотивом перекликается и традиция исполнения самого эпоса. Сказители с наступлением осени и приближением зимы, сокращением светового дня, в долгие зимние вечера исполняли «Гэсэр». При этом в ночном небе непременно должны были быть хорошо видны *Мүшэд* ‘Плеяды’ – небесные светильники, появляющиеся, как правило, ко дню осеннего равноденствия, служившего отправной точкой для начала Нового года по старинному народному календарю бурят [Дашиева, 1998, с. 99]. При такой регламентации и табуизации места, времени и условий исполнения эпоса само произведение об эпическом герое в соответствии с его мифологической «специализацией» могло действовать как своего рода шаманское призывание [Неклюдов, 1986, с. 76].

Исполнение эпоса основывалось на вере в магическую силу слова, чтобы помочь слабеющему солнцу снова возродиться в новом году (по аналогии с мифом об умирающем и воскресающем боге (или звере), с незапамятных времен существующем у земледельческих и охотническо-скотоводческих народов). Этому словесному священнодействию и имитативной магии служил обряд возжигания свечей и окуривание арсой-можжевельником перед исполнением «Гэсэра» [Бурчина, 2000, с. 187].

Сказители-улигершины не подозревали в последовательных превращениях природы и свойствах различных времен года проявление естественных законов, а видели в этом, будучи наследниками древних архаичных представлений, действие одушевленных сил – благотворных и враждебных, их вечную борьбу между собою, торжество то одной, то другой стороны. Поэтому времена года представлялись не отвлеченными понятиями, а персонифицированными образами богов и богинь, которые, сходя с небес, сменяют друг друга в своем владычестве над землей [Афанасьев, 1995, с. 331]. Вот почему солярная природа Гэсэра как нельзя лучше соответствовала календарно-обрядовому исполнению эпоса, в котором он является главным героем, несущим цивилизаторскую солнечную миссию освобождения Космоса от Хаоса, очищения земли от чудовищ и разных духов, нечистей и бед, чтобы утвердить торжество света и добра над силами тьмы и зла.

Не потому ли существовал запрет исполнения эпоса «Гэсэр» после зимних холодов, в особенности сказаний о Шэрэм Минате – наиболее грозном враге Гэсэра, а также весной и летом, когда сама природа в реальности ощущала полноту солнечной энергии, зеленела трава, тучнел скот. Согласно своему солярному предназначению, Гэсэр последовательно «сражается с тьмой, спускается в Царство Смерти» [Элиаде, 1994, с. 10]. Он проходит подземный мир до самого дна «двенадцати кромешных адов» и невредимым возвращается оттуда, благодаря своим «тринадцати волшебствам» и «двадцати трем колдовствам» [Тушемилов, 2000, с. 242–243].

И, наконец, Гэсэр отсекает могучей «хангайской» стрелой гигантскую верхушку одинокого дерева (*ориин гагса модон*), грозившего разрастись насквозь через восемь пределов небесных, то есть разрушить архитектуру мироздания и вторгнуться в заповедное пространство восьмого неба – обитель солнечной Манзан Гурмэ. Число восемь символизирует солнце, согласно представлениям бурят-шаманистов. В более ранних мифах солнце имело зооморфный облик и представлялось восьминогим существом [Манжигеев, 1978, с. 60], и потому изображалось с восемью лучами или окруженное восемью оградками (*хуреэ*). В шаманских призываниях также прослеживается символика числа восемь в характеристике женского материнского начала солнца [Дугаров, 1981, с. 99]. В данном эпизоде с одиноким деревом, несущем солярную подоплеку, Гэсэр выступает в качестве культурного героя: он не дает гигантскому дереву заслонить солнце со всеми вытекающими отсюда последствиями, отрубает верхушку и заклинает дерево не быть выше и толще обычного.

Эманация солнечных знаков, очевидных и открытых глазу или сокрытых под пеленой символики, пронизывает поэтическую ткань эпического повествования «Гэсэра». Они, эти знаки, по сути дела являются как бы семантическими узлами, создающими внутреннюю световую ауру, соответствующую традиционным этическим и эстетическим представлениям бурят. Например, в эпосе герои неукоснительно следуют космическому императиву *нара зүб* ('по движению солнца' или 'в согласии с солнцем'), моделирующему поведение положительных персонажей на стыке пространственно-космологического и нравственно-мировоззренческого уровней под знаком светлого начала. Так, Хан-Хюрмас – глава западных светлых богов перед поединком с Атай-Уланом – предводителем восточных темных богов трижды поворачивается по ходу солнца, так же поступает и Гэсэр перед тем, как отправиться в поход на врага: он разворачивается по ходу солнца, чтобы поклониться божествам-хранителям и праматери небожителей – Манзан-Гурмэ, «тысячу бурханов взрастившей, / На северо-западном шве небес / Степенно всегда восседающей...» [Тушемилов, 2000, с. 31, 185].

В ряду эпических персонажей Евразии близкими Гэсэру по своей «солнечности» являются образы Сослана из нартовского эпоса осетин и Нюргун-Боотура из якутского олонхо. Также Гэсэр сопоставим и с древнейшими мифическими персонажами – индийским Рамой и шумерским Гильгамешем, который выступает как солярный герой в ряде сюжетов, типологически и функционально сходный с Гэсэром.

Безусловно, Гэсэр – полноправный солярный герой бурятского эпоса. Его эпико-мифологический образ является глубинным отражением культа поклонения солнцу – одного из самых древних и устойчивых в религиозно-мировоззренческих представлениях центральноазиатских кочевников и их потомков. Об этом наглядно свидетельствуют оленные камни – уникальные памятники двадцатипятивековой давности, для которых характерно символическое изображение солнца в виде круга или серьги в верхней части каменных стен. Такой же солярный знак постоянно присутствует на многих наскальных изображениях древности, начиная с периода палеолита. Например, гора Бага-Заря, что в Кяхтинском районе Бурятии, является наиболее крупным солярным святилищем Центральной Азии и Южной Сибири [Окладников, Запорожская, 1970, с. 140].

Следует вспомнить и о петроглифах с изображением колесниц, символизирующих солнечных небожителей на скалах Алтая и Хангая. Кроме того, солярную семантическую нагрузку несут оградки керексуров. Солнечная символика прослеживается в художественном оформлении бронзовых изделий; например, кинжалы и ножи карасукского и тагарского типов. Яркий образ птицы как символа неба, связанного с культом солнца, увековечен на писаницах культуры плиточных могил.

Солярная тематика, как известно, широко представлена в орнаментике древних кочевников и их потомков. Так, у бурят солнечной символикой отмечены культовые предметы повседневного назначения, составляя один из доминирующих мотивов в бурятской орнаментике. С культом солнца связан и ряд культурно-бытовых явлений у монгольских народов: ориентировка юрт на юг (или юго-восток), движение по кругу (по ходу солнца) во время ритуальных действий, например, ёхора, и т.д. Известно, как сильно был развит культ солнца у монголоязычных киданей; одно из племен, составлявших ядро киданьского этноса, называлось *наран* 'солнце'. Неслучайна и перекличка солнечного мифа о небесном зачатии у киданей и их исторических преемников – монголов [Викторова, 1980, с. 165, 194].

Солярные мотивы присутствуют и в монгольских летописных сочинениях, начиная с «Сокровенного сказания». Например, миф о связи Алангуа с небесным (солнечным) божеством, проникавшим через дымник юрты в виде желтого человека, что является персонификацией солнечного луча. Сходное предание существует о рождении тюркского культурного героя Огуз-хана, чья мать зачала своего сына от лучей солнечного света. Солярный мотив прослеживается и в западномонгольской эпической традиции: так, в эпосе «Бужин Даваа» золотой столб, опустившийся в дымовое отверстие юрты, – предвест-

ник рождения сына [Неклюдов, 1988, с. 51]. В «Алтан тобчи» запоминается высокопоэтический эпизод поклонения Чингисхана солнцу и родовой горе Бурхан-Халдун [Лубсан Данзан, 1973, с. 86].

Убедительным свидетельством солярного культа у бурят являются и шаманские песнопения, представляющие магическую концентрацию древних понятий в образной поэтической формуле. Например, у хори-бурят встречаем:

<i>Юэн дабхар хүрээтэй,</i>	‘Девятью оградами окруженная,
<i>Ерэн дабхар туяа татаһан</i>	Девяносто лучей излучающее
<i>Алтан наран эхэ гарбал!</i>	Золотое солнце – прародительница!’

[Дугаров, 1991, с. 58–59].

Аналогичная формула поклонения солнцу, но в его мужской ипостаси встречается в эхири-булагатском улигере «Еренсей»:

Найман хүлтү	‘Восьминогое
Наран эсэгэ,	Солнце, отец мой,
Намайханаа харыши!	Храни меня!’

[Еренсей, 1968, с. 16].

Можно продолжить перечень примеров, говорящих о поклонении солнцу, о его культе, существующем и поныне, особенно в совершении обрядов, таких как *сасали бариха* – обряд возлияния путем брызганья молока и водки вверх в направлении восхода солнца как жертвоприношение духам, *наранай тахилга* – обряд поклонения солнцу в день летнего солнцестояния. Из глубины веков до наших дней дошел запрет не заслонять солнце своим телом, не становиться к нему спиной, что могло восприниматься как знак неуважения к солнцу и вызвать его неудовольствие или даже гнев, и солнце могло отказать человеку в своей милости [Уланов, 1963, с. 154]. Все это свидетельствует, на какой глубокой исторической, религиозной и народно-бытовой основе возник культ солнца, нашедший отражение в эпосе бурят и в солярных аспектах образа Гэсэра.

Об этом как нельзя лучше напоминает старинная песня, бытующая и по сей день в Унгинской долине – на родине сказителей Гэсэриады; песня, в которой народ сравнивает и олицетворяет своего любимого эпического героя с солнцем:

Восходит солнце, и восток роняет утренние блики. На землю смуты и тревог сошел с небес Гэсэр великий.	Пылает солнце, и вдали свет обнимает дол и кручи. На благо всех людей земли сошел с небес Гэсэр могучий
--	--

[Алтаргана, 1998, с. 123].

Список литературы

- Абай Гэсэр* / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. А.И. Уланова. Улан-Удэ, 1960. 314 с.
- Абай Гэсэр Богдо хаан* / Зап. и сост. С.П. Балдаева. Подгот. текста и предисл. М.И. Тулохонова, Д.Д. Гомбоин. Улан-Удэ, 1995. 528 с.
- Алтаргана*. Сборник бурятской народной поэзии / Составление, вступит. статья и пер. Б. Дугарова. Улан-Удэ, 1998. 256 с.
- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. Т. 3. 416 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь*. М., 2002. Т. 4. 532 с.
- Бурчина Д.А.* Календарно-обрядовые истоки формирования сюжетного ядра бурятской Гэсэриады // Проблема истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2000. Т. 3. С. 182–188.
- Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки народной культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Галданова Г.Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987. 115 с.
- Герасимова К.М.* Символика орнамента на стрелохранилище // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского Института культуры и экономики (НИИКЭ). Улан-Удэ, 1948. Вып. 8. С. 163–175.
- Дашиева Н.Б.* Календарь в традиционной культуре бурят // Сибирь. Этносы и культуры. М.; Улан-Удэ, 1998. Вып. 3. С. 47–105.
- Дугаров Д.С.* К этимологии терминов юурэн, үүр, үүри // Советская этнография. 1981. № 1. С. 98–102.
- Дугаров Д.С.* Исторические корни белого шаманства. М., 1991. 300 с.

- Еренсей* / Подгот. текста, пер. и примеч. М.П. Хоимонова. Улан-Удэ, 1968. 208 с.
- Калмыцко-русский словарь*. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Лубсан Данзан*. Алтан тобчи / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М., 1973. 440 с.
- Манжигеев И.А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 127 с.
- Неклюдов С.Ю.* Закономерности стадийной эволюции эпоса Центральной Азии и Южной Сибири // *Mongolica*. Памяти академика Б.Я. Владимирцова. М., 1986. С. 66–79.
- Неклюдов С.Ю.* Устное предание в становлении исторической литературы монгольских народов // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии. М., 1988. С. 78–84.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья. Л., 1970. Ч. 2. 263 с.
- Тушемилов П.М.* Абай Гэсэр / Запись Т.М. Болдоновой. Пер., вступ. ст. и послесл. С.Ш. Чагдурова. Улан-Удэ, 2000. 256 с.
- Уланов А.И.* Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963. 219 с.
- Хангалов М.Н.* Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. 551 с.
- Хантаев П.Т.* Материалы по устному народному творчеству верхоленских бурят // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2. 172 с.
- Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с франц., предисл. и коммент. Н. К.Тарбовского. М., 1994. 144 с.
- Lorincz L.* Sonnenmythos, Sonnen-(Solar) heros und Kulturheros in der mongolischen Mythologie. // *Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae*. Budapest, 1977. Т. XXXI. Fasc. 3. Pp. 365–389.

B. S. Dugarov

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation; khairkhan@mail.ru*

The solar aspects of the image of Geser: the Buryat epic and ethnocultural tradition

Since old times, the sun has been a stable object of religious worship and veneration among the peoples of Central Asia and adjacent territories. This is reflected in the mythopoetic legends of the Turkic-Mongolian peoples. As such, an illuminating manifestations of the solar cult are found in the Buryat heroic epic "Abai Geser", in which the hero performs a mission to eradicate evil, cleanse the land from monsters and various kinds of evil. The characteristics of Geser as an epic hero of divine origin contain clearly marked features of the solar hero, which, as shown in the article, are conveyed through his celestial ancestry that goes back to solar deities, and through the mission of affirming on earth the triumph of light and good over the forces of darkness and evil.

In fact, Geser's deeds are functionally identical to the purpose of the sun, which warms the earth, animates nature and fills the world with the eternal meaning of life. The author gives a detailed interpretation of the solar motifs in the plot of the epic work and the associated tradition of performing the epic itself, based on faith in the magical power of the word, to help the weakening sun to be born again in the new year (similar to the myth of a dying and resurrecting god or beast). The solar nature of Geser perfectly fitted the calendar-ritual performing of the epos, in which he is the main hero, carrying the civilizing solar mission of the liberation of the Cosmos from Chaos. The article convincingly traces the emanation of sun signs that permeate the poetic fabric of the epic narrative and meet the traditional religious-mythological and ethical ideas of the Mongolian peoples. According to the author's conclusions, the solar aspects of the image of Geser, which have expressive parallels in the Turkic-Mongolian epic, myths, historical legends, shamanic songs and in the ethnocultural traditions in general, are a profound reflection of the cult of the sun - one of the oldest and most stable in the religious world views of the Central Asian nomads and their descendants. Perhaps it was the solar motif that served as the basis of the ideology of "Geseriad", which grew out of the "bronze diapers" of the heroic epic of the early nomads of Mongolia and South Siberia.

Keywords: epic, mythology, solar cult, epic hero, Geseriad, narrators, ethnocultural tradition.

References

- Abaj Gjesjer*. Vstup. st., podgot. teksta, per. i komment. A.I. Ulanova. Ulan-Ude, 1960, 314 p.
- Abaj Gjesjer. Bogdo haan*. Zap. i sost. S.P. Baldaeva. Podgot. teksta i predisl. M. I. Tulohonova, D. D. Gomboin. Ulan-Ude, 1995, 528 p.

- Altargana. *Sbornik burjatskoj narodnoj poezii [Collection of Buryat folk poetry]*. Sostavlenie, vstupit. stat'ja i per. B. Dugarova. Ulan-Ude, 1998, 256 p.
- Afanas'ev A.N. *Pojeticheskie vozrenija slavjan na prirodu [Poetic views of the Slavs on the nature]*. Moscow, 1995, vol. 3, 416 p.
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]*. Moscow, 2002, vol. 4, 532 p.
- Burchina D.A. *Kalendarsno-obryadovye istoki formirovanija szuzhetnogo jadra burjatskoj Gjesjeriady. Problema istorii i kul'tury kochevyh civilizacij Central'noj Azii [Calendar-ritual sources of the formation of Buryat Geseriada. The problem of history and culture of nomadic civilizations in Central Asia]*. Ulan-Ude, 2000, vol. 3, pp. 182–188.
- Dashieva N.B. *Kalendar' v tradicionnoj kul'ture burjat [Calendar in the traditional culture of the Buryats]*. In: *Sibir'. Etnosy i kul'tury [Siberia. Ethnoses and cultures]*. Moscow, Ulan-Ude, 1998, iss. 3, pp. 47–105.
- Dugarov D.S. *K etimologii terminov juurjen, үүр, үүри. [On the etymology of the terms yuren, үүр, үүри]*. *Sovetskaja etnografija [Soviet Ethnography]*. Moscow, 1981, no 1, pp. 98–102.
- Dugarov D.S. *Istoricheskie korni belogo shamanstva [Historic roots of white shamanism]*. Moscow, 1991, 300 p.
- Erensej. Ed. M.P. Homonov. Ulan-Ude, 1968, 208 p.
- Galdanova G.R. *Dolamaistskie verovanija burjat [Pre-lamaist beliefs of the Buryats]*. Novosibirsk, 1987, 115 p.
- Gerasimova K.M. *Simvolika ornamenta na strelohranilishhe [Symbolism of the ornament on the arrows]*. *Zapiski Burjat-Mongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo Instituta kul'tury i ekonomiki (NIKJe) [Transactions of the Buryat-Mongol Institute of Culture and Economics Research]*. Ulan-Ude, 1948, iss. 8, pp. 163–175.
- Hangalov M.N. *Sobranie sochinenij [Collection of works]*. Ulan-Ude, 1958, vol. 1, 551 p.
- Haptaev P.T. *Materialy po ustnomu narodnomu tvorcestvu verholenskih burjat [Materials on the oral folk art of the Verkholsky Buryats]*. *Etnograficheskij sbornik [The Ethnographic Collection]*. Ulan-Ude, 1961, vol. 2, 172 p.
- Jeliade M. *Svjashhennoe i mirskoe [Sacred and mundane]*. Translated and ed. by N.K. Tarbovskiy. Moscow, 1994, 144 p.
- Kalmycko-russkij slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]*. Moscow, 1977, 768 p.
- Lorincz L. *Sonnenmythos, Sonnen-(Solar) heros und Kulturheros in der mongolischen Mythologie. Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1977, vol. XXXI, fasc. 3, pp. 365–389.*
- Lubsan Danzan. *Altan tobchi*. Translated and ed. by N.P. Shastina. Moscow, 1973, 440 p.
- Manzhigeev I.A. *Burjatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms]*. Moscow, 1978. 127 p.
- Nekljudov S.Ju. *Zakonomernosti stadial'noj jevoljucii jeposa Central'noj Azii i Juzhnoj Sibiri [Regularities of the stage evolution of the epic of Central Asia and Southern Siberia]*. *Mongolica. Pamjati akademika B.Ja. Vladimirtsova [Mongolica. In memory of academician B.Ya. Vladimirtsov]*. Moscow, 1986, pp. 66–79.
- Nekljudov S.Ju. *Ustnoe predanie v stanovlenii istoricheskoi literatury mongol'skih narodov [Oral tradition in the formation of historical literature of the Mongolian peoples]*. In: *Rol' fol'klora v razvitii literatur Jugo-Vostochnoj i Vostochnoj Azii [The role of folklore in the development of literatures in South-East and East Asia]*. Moscow, 1988, pp. 78–84.
- Okladnikov A.P., Zaporozhskaja V.D. *Petroglify Zabajkal'ja [Petroglyphs of Transbaikalia]*. Leningrad, 1970, pt 2, 263 p.
- Tushemilov P.M. *Abaj Gjesjer [Abai Geser]*. Collected by T.M. Boldonova. Translated and ed. by S.Sh. Chagdurov. Ulan-Ude, 2000, 256 p.
- Ulanov A.I. *Burjatskij geroicheskij jepos [Buryat heroic epic]*. Ulan-Ude, 1963, 219 p.
- Viktorova L.L. *Mongoly. Proishozhdenie naroda i istoki narodnoj kul'tury [Mongols. The origin of the people and the origins of folk culture]*. Moscow, 1980, 224 p.